Троцкий, Л. Д.

Очередные задачи хозяйственного строительства.

Ростов/Дону, 1920.

ИМЛ — Библиотека
ЕН171
0957 22

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

№ 1. Речи и беседы пропагандиста № 1.

ЕН171
0957

Л. ТРОЦКИЙ.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

ДОКЛАД НА IX СЪЕЗДЕ РОС. КОМ. ПАРТИИ.

Ростовское Отделение Государственного издательства.
Ростов на Дону—1920.

2 экз.

К.

ЕН171
О 957

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

12167

1062945 (1873/26) 309/2 / 36 с1.

2-я Советская типография „ОБНОВЛЕНИЕ“, в Ростове н-Д., Б.-Садовая № 14.

Доклад т. Троцкого об очередных задачах хозяйственного строительства.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

Товарищи! Мы сейчас подведены историей вплотную к задаче организации труда. Организация труда есть по существу организация нового общества, ибо каждое историческое общество является организацией труда. Мы организуем или приступаем к организации труда на новых социальных основах. Если прошлое общество состояло в принудительной организации труда в пользу меньшинства, при чем принуждение распространялось меньшинством на подавляющее большинство трудящихся, то мы делаем первую в мировой истории попытку организации труда трудящихся в интересах этого трудящегося большинства. Но это, разумеется, не означает уничтожения элемента принуждения. Нет, принуждение в организации труда играет и будет играть еще в течение значительного исторического периода большую роль.

По общему правилу, человек стремится уклониться от труда. Можно сказать, что человек — довольно ленивое животное, и на этом качестве, в сущности, основан человеческий прогресс, потому что, если бы человек не стремился экономно расходовать свою силу, не стремился бы за малое коли-

чество энергии получить как можно больше продуктов, то не было бы развития техники и общественной культуры. Стало быть, при таком понимании леность человека—прогрессивная сила. Не нужно делать, конечно, такого вывода, что партия в своей агитации должна рекомендовать это качество, как нравственный долг. У нас его и так избыток, и задача общественной организации состоит в том, чтобы леность вводить в определенные рамки, чтобы ее дисциплинировать и подстегивать при помощи общественной организации труда.

Подходя к вопросу строительства общественного хозяйства на новых общественных основах, на основах строящегося коммунизма, мы с самого начала уперлись в **вопрос о милитаризации.** Целый ряд статей, собраний, речей и дискуссий проходит под лозунгом милитаризации. Некоторые товарищи, в том числе и на первом месте—некоторые виднейшие работники профсоюзов, высказываются в том смысле, что они—не против милитаризации, но до сих пор не поняли, что, собственно, это обозначает.

По этому же вопросу недавно в «Правде» была напечатана небезинтересная, но принципиально неправильная статья тов. Вл. Смирнова, посвященная вопросу о милитаризации труда. Основная его мысль следующая: поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс для осуществления задач, требующих массового применения рабочей силы, постольку милитаризация является безусловно необходимой. Мы мобилизуем крестьянскую рабочую силу и формируем из этой мобилизованной рабочей силы трудовые части, ко-

торые приближаются по типу к воинским частям. Мы даем командно-инструкторский состав, должны включать туда коммунистические ячейки, чтобы эти части не были бездушны, а были одухотворены стремлением работать. Стало быть, это есть полное приближение к военной форме организации. Здесь слово «милитаризация» уместно. Но, говорит тов. Смирнов, если мы перейдем в область квалифицированного труда, где имеются проф.-производственные организации рабочего класса, там нет никакой надобности применять воинский аппарат для формирования частей, там не может быть речи о милитаризации в указанном смысле слова. Профсоюзы в этой области выполняют задачу организации труда.

Товарищи, в такой постановке вопроса сказывается непонимание существа того хозяйственного перелома, который происходит в настоящее время. Разумеется, разница между пролетарской рабочей силой, организованной в профсоюзы, и между крестьянской рабочей силой, изымаемой военным аппаратом, огромная. Милитаризация в одном случае будет производиться другими путями, чем в другом. Тем не менее, сводить вопрос о мобилизации квалифицированной рабочей силы к факту существования профсоюзов, думать, что союзы такие, какие они нам завещаны от прошлого, самым фактом своего существования разрешают трудовые задачи в отношении обученных квалифицированных рабочих—это значит—не понимать самого существа вопроса.

Квалифицированная рабочая пролетарская сила покупалась при капитализме на вольном рынке;

она передвигалась по требованию спроса и предложения с одного места на другое и называлась она вольнонаемным или «свободным» трудом. Профсоюзы выросли на об'единении этого вольного труда, на стремлении путем борьбы, стачек и т. д. отвоевать для этого труда наиболее благоприятные хозяйственные условия.

Но кто сейчас распределяет рабочую силу и кто ее направляет туда, где она необходима по хозяйственным задачам строящегося социалистического хозяйства? Она распределяется по хозяйственным органам. Сейчас рабочий передвигается с фабрики на фабрику, с завода на завод не по своей воле, как это говорили при капитализме, т. е. не под ударами хозяйственного принуждения, принуждения голодом, а он направляется и должен направляться в соответствии с единым хозяйственным планом, по распределению соответствующих центральных хозяйственных органов.

Стало быть, рабочие сейчас прикреплены к заводам и фабрикам. Разумеется, один рабочий это прикрепление испытывает как долг, который он выполняет по своему внутреннему убеждению, в интересах поднятия народного хозяйства, другой же не разбирается в этом; третий, наиболее отсталый, испытывает сегодня еще, как голое принуждение, и противится ему. Такие имеются, лучшим свидетельством чего является статистика профессионального движения. В важнейших отраслях промышленности у нас значится 1.150.000 рабочих, а на самом деле работает 850.000. Так было месяца полтора—два тому назад. Куда девались 300.000? Они ушли в деревню, может быть, в другие отра-

сли промышленности, может быть, в спекуляцию. Итак, 300.000 на 800.000 работающих являются, выражаясь военным языком, **дезертирами.**

В области военной имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть, в том или другом виде, также и в области трудовой.

Если мы серьезно говорим о плановом хозяйстве, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом, **рабочая масса не может быть бродячей Русью.** Она должна быть перебрасываема, назначаема, командируема точно так же, как солдаты. Это—основа милитаризации труда; без этого ни о какой промышленности на новых основах серьезно говорить нельзя.

Кто выполняет эту работу? Разумеется, основную часть работы выполняют профессиональные союзы. Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов сейчас вместе с комиссариатом труда, по соглашению с соответсвующ. хозяйственным органом, перебрасывает рабочих с завода на завод и карает или прибегает к помощи государственного органа для кары по отношению к тем, которые их плановых нарядов не выполняют. Это и есть милитаризация рабочей силы, милитаризация промышленности. И здесь ставить вопрос так, как это делает тов. Смирнов, неправильно. Профсоюз не заменяет милитаризации, а проводит ее, является ее проводником. Если в деревне мобилизацию крестьян проводит военное ведомство, ибо другого аппарата там нет, то по отношению к рабочей силе

городской промышленности таким аппаратом является прежде всего профессиональный союз.

И тут без милитаризации самих профессиональных союзов, как таковых, без установления такого режима, при котором каждый рабочий будет чувствовать себя солдатом труда, который не может собой свободно располагать, не обойтись: если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит его, он будет дезертиром, которого карают. Профессиональные союзы обязаны создать новый режим. Это и есть милитаризация рабочего класса. И этого не поняли до настоящего времени некоторые товарищи, наивно спрашивающие, что такое милитаризация труда? Сейчас **наша задача заключается в том, чтобы опыт военный** в этой области **перенести на трудовую область,** где твердый режим неукоснительной железной исполнительности является не менее важным и неотложным, чем в области чисто военной.

Все это может иметь свой смысл только в том случае, если у нас имеется аппарат правильного хозяйственного применения рабочей силы на основании единого, охватывающего всю страну и все отрасли хозяйства, хозяйственного плана.

ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЛАН.

В чем задача ближайшего периода? Прежде всего надо обеспечить возможность жить стране хотя бы в нищенских условиях. Если мы не хотим окрестьянить страну, мы должны поддержать на минимальном уровне транспорт, количество хлеба

для городов, топлива для промышленности, фуража для скота, сырья, которое необходимо для удовлетворения элементарных потребностей.

Итак, **основная задача сейчас—улучшение состояния транспорта, предупреждение дальнейшего падения его и заготовка элементарных запасов продовольствия, сырья и топлива.** Весь первый, ближайший период должен быть целиком заполнен сосредоточением рабочей силы на разрешении этой задачи, являющейся предпосылкой дальнейшего.

Второй период (будет-ли он измеряться месяцами, годами, сейчас трудно предсказать—это зависит от многих причин, начиная от международного положения и в последнем счете от единодушия нашей партии)—это машиностроение в интересах транспорта, добычи сырья и продовольствия. **Третий период—машиностроение** в интересах производства предметов широкого массового потребления, и, наконец, **четвертый период — это производство предметов массового потребления.**

Эта градация имеет большое значение для выяснения нашего хозяйственного плана перед рабочими массами. Мы обязаны сказать, что никакая широкая трудовая мобилизация не пройдет, если мы не захватим все, что есть честного, одухотворенного в рабоче-крестьянской массе, не раз'ясним ему нашего плана. Мы должны сказать открыто и ясно, что наш хозяйственный план при максимуме напряжения трудящихся даст не кисельные берега и молочные реки, но что при самых больших условиях в ближайший период мы направляем нашу работу на то, чтобы подготовить условия для производства средств производства. И лишь после

того, как мы будем иметь возможность в минимальных размерах производить средства производства, мы перейдем к производству средств потребления. Стало быть, осязательные плоды работы, предметы личного потребления, получатся в стадии последнего звена этой хозяйственной цепи. Массы, которые будут мобилизоваться для трудовых целей, должны будут во всем об'еме понять этот хозяйственный план, чтобы оказаться способными поднять его на своих плечах, чтобы в течение проведения этого плана у них не прорвалось раз 10 терпение. Это—труднейшая задача, которая стоит перед партией.

НЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА В СТАРОМ ЕГО ВИДЕ, А СОЗДАНИЕ НОВОГО.

Разумеется, мы были бы близорукими скептиками мелко-буржуазного мещанского типа, если бы мы полагали, что возрождение хозяйства есть постепенный переход от полного хозяйственного распада, продолжающегося до сих пор в важнейших отраслях хозяйства, к расцвету, что по тем же самым ступенькам, по которым мы спускались вниз, будем подниматься, т. е., что только через продолжительное время мы доведем наше социалистическое хозяйство до того уровня, на котором оно было накануне империалистической войны. Такое представление безусловно неправильно. **Разруха, уничтожавшая и разбивавшая все на своем пути, вместе с тем очищала путь для нового строительства**, и в соответствии с теми техническими данными, которые имеются у мирового хозяйства и которые имеются у нас, наше хозяйство будет развиваться по-

добно тому, как развивалось русское капиталистическое хозяйство, когда оно не переходило из ступени в ступень, а перескакивало через ряд ступенек.

Совершенно ясно, что после того, как мы преодолеем первую нищету, мы сможем перескакивать через целый ряд последующих ступеней, мы сможем переходит, например, к электрификации во всех основных отраслях промышленности и личного потребления, не проходя стадии пара. Пред нами открываются широкие перспективы, которые, конечно, будут зависеть от развития энергии ,способности, т. е. фактора суб'ективного, и второго фактора—развития техники, оставленной нам капитализмом. Эти перспективы стали перед нами; нам необходимо во что бы то ни стало выбраться из той грязи, навоза, куда мы потрязли по самую шею.

Итак, **единый хозяйственный план, как основа применения рабочей силы и крестьянских масс, квалифицированных и неквалифицированных—вот первая, основная задача.**

«СВОБОДНЬИЙ» И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД.

Чем шире будет применяться рабочая сила в ближайший период, тем интенсивнее будет налаживаться машинное оборудование. Следовательно, и вопрос о трудовых армиях стоит в достаточной мере остро.

Этот вопрос на первых порах встретил суровую оппозицию. Нам указывали прежде всего, что производительность труда в трудовых армиях будет невелика. Указывали, что солдат, превратившийся

из красноармейца в трудармейца, бросит свой пост и вернется домой, считая, что его задача выполнена. Это были первые два довода, которые направлялись против трудовых армий. Но оба они оказались совершенно ложными. И не в том суть, что эти два практических довода оказались ложными, а в том, что здесь, в сущности, проскальзывало бессознательное недоверие к социалистической организации хозяйства. Эти доводы целиком направляются против социалистической организации хозяйства в нашу переходную эпоху. Если принять за чистую монету старую буржуазную аксиому, ставшую предрассудком, что принудительный труд непроизводителен, то это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а, стало быть, и к социалистической организации вообще. Конечно, вместе с некоторыми товарищами мы можем развернуть перспективу насчет организации социалистического хозяйства. Там принуждение, постоянно отходя, совершенно отомрет, и в хорошо организованном социалистическом хозяйстве элементы принуждения не будут ощущаться, как таковые, ибо труд будет и физической и духовной необходимостью каждого сочлена. Но до этого есть еще много периодов, где элементы принуждения будут фигурировать во всей своей силе. Стало быть, в переходную эпоху принуждение играет в организации труда огромную роль; а если принудительный труд непроизводителен, то этим осуждается наше хозяйство, ибо общество есть организация нашего труда. Если труд организован на неправильном принципе, если принуждение враждебно произво-

дительности труда, значит, мы обречены на экономический упадок, как бы мы ни изворачивались и что бы ни делали. Но такое утверждение—предрассудок.

Утверждение, что свободный труд, вольнонаемный труд, производительнее труда принудительного, было безусловно правильно в отношении к строю феодальному, строю буржуазному. Труд рабочих на фабрике был безусловно производительнее труда ремесленного: он основывался на особых методах и формах принуждения—эксплоатации рабочей силы, но это все делалось под флагом «свободного труда». Буржуазия научилась путем разных методов выжимать из рабочих гораздо больше труда, чем в эпоху феодализма и крепостничества выжимали из крепостных крестьян.

Но это развитие производительности труда подготовило смену хозяйства капиталистического новым коммунистическим, и по отношению к этому новому колоссальному историческому изменению утверждать то, что было правильно по отношению к старому положению, значит—оставаться в рамках буржуазных и мещанских предрассудков. Мы говорим: неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях непроизводителен. Здесь вся задача в том, чтобы рабочий был психологически—внутренне, но не внешне—принудительно втянут в процесс труда. Это делал по своему каждый строй; феодальный строй пускал для этого в ход ложь, обман и иерархию попов. Буржуазия имела свои методы. Это было ей необходимо, ибо она являлась меньшинством, которое прижимало большинство; она

должна была обманывать. Сюда входили и определенная оплата труда, поштучная, сдельная, и известные премии, известная карьера, которой добивались некоторые счастливчики. Все это захватывало рабочий класс. Даже трэд-юнионы служили в руках буржуазии органами для повышения производительности труда, для поднятия в рабочих чувства трудовой чести; буржуазия совершала в этом направлении колоссальную работу через своих спецов, через попов. С попами она как поступала? Она их протоняла, затем их призывала. Так она поступала и с религией и Господом Богом, прибегая к нему, когда ей нужно было, для воздействия на рабочие массы. И пресса и школы являлись средствами для увеличения производительности труда. И монархия и республика—все это было сложным аппаратом, чтобы удержать в своих руках организацию трудящихся и из них выкачать максимум прибавочной стоимости. Таким образом, дело стоит вовсе не так, что буржуазный строй сразу возник с высокой производительностью труда. Нет, поднятие производительности труда не являлось результатом только безличного исторического развития, но и составляло сознательную задачу правящих эксплоататоров-руководителей, разрешавших ее путем применения десятков средств, путем мобилизации ангелов, архангелов, тюремщиков и палачей,—тут была целая система воздействия.

Мы же не можем быть поставлены в необходимость что-либо скрывать от масс, не говоря уже о том, чтобы их обманывать. Но в то же время мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов и духовного и орга-

низационного порядка, и характера премиального и характера карательного, для того, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных условиях, на которых строится все наше хозяйство. Поэтому, когда кто-либо говорит, что принудительный труд непроизводителен, и если это просто либерал, мы прогоним его; но если это коммунист, который не понимает смысла переживаемой эпохи, то мы скажем ему: ты говоришь, что принудительный труд непроизводителен, и поэтому отказываешься от него, на самом же деле ты хочешь сказать, что мы, приступая сейчас к организации социалистического применения труда, еще мальчишки в этой области и ничего производительного еще не вышло.

Нам нужно не болтать об общей непроизводительности труда, а учиться повышать ее всеми путями, которые могут иметься у честного и хорошо организованного рабочего государства, в том числе меры идейного порядка: агитация, духовное вовлечение в интересы хозяйства. Понимание каждым рабочим, крестьянином крепчайшей связи между судьбой его существования и хозяйственной судьбой всей страны при новой системе общественных отношений и организации труда имеет колоссальное духовное, организующее значение. Если наш аппарат не годится, то, разумеется, мобилизованный и темный крестьянин, видя, что его бросают на железную дорогу и лопат для работы не приготовляют, не может заразиться энтузиазмом во имя этой общественной принудительной организации труда. Для того, чтобы он этим проникся и все меньше сознавал тяготный характер этого принуждения, необходимо прежде всего, чтобы ап-

парат работал как следует, количество рабочих рук соответствовало задачам и было направлено туда, где имеется эта задача, имеются продовольствие, инструменты труда, инструктора с головой на плечах. Это—элементарнейшее условие; без правильной организации труда мы его производительность не повысим. Наконец, нужна личная заинтересованность в эту переходную эпоху каждого рабочего, каждого крестьянина в отдельности, в непосредственных плодах применения его рабочих сил. Я говорю о премиальной системе, необходимой до тех пор, пока в нашем распоряжении предметов продовольствия в обрез, пока мы не можем децентрализовать систему распределения предметов широкого потребления, чтобы каждый мог получить то, что ему нужно (а это будет в результате 4-й стадии нашего общехозяйственного плана, если мы справимся с предшествующими 3-я стадиями). Пока же оно должно быть централизовано, т.-е. мы должны подчинить его производительным задачам: кормить прежде всего тех, кто необходим для производства в тех отраслях, которые являются самыми важными, и давать тем предприятиям, которые являются ценными, которые лучше, честнее выполняют свой трудовой долг. Это тоже есть система повышения производительности труда. Наконец, также и карательные меры, от которых мы не уйдем, по отношению к шкурникам, дезертирам труда. Словом, целая сложная система духовных мероприятий, организованных, материальных, премиальных, карательных, репрессивных, может в результате своего согласования, систематического применения на основе общего под'ема уровня культуры поднять производительность на

— такую высоту, на какую никогда, ни при каком другом строе производительность труда не повышалась. Понимание этой задачи, которая не падает разрешенной сверху, является важнейшей составной частью в разрешении наших практических задач.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВЫХ АРМИЙ.

Против трудармий возражают, что солдаты дезертируют. Солдаты сражаются, а не дезертируют: они это показали, победивши Колчака и Деникина. Дезертирство, конечно, было, но по проверке оказалось. что спайка, связь духовная, организованная, принудительная, в совокупности своей обеспечила подчинение и выполнение боевых задач. В отношении к трудовым задачам совокупность тех же факторов и сил обеспечит такое же подчинение в красных армиях, переведенных на трудовое положение. Правда, часть разбежалась, но это бывает всегда, когда дивизия перебрасывается с одного фронта на другой, или когда из тыла отправляют на фронт. Но сейчас же вступают в свои права политотделы, агитация и так далее.

Библиотека Политпросвета 1062945

В трудармии мы имеем перед собой воинскую часть, с одной стороны, и мобилизованное по трудовой повинности население—с другой, которое в смысле специализации не выше воинской части; но последняя имеет более точную организацию и более дисциплинирована. Самое же важное то, что производительность труда в трудармии систематически повышается по мере применения некоторых приемов, диктуемых разумным ведением дела. Я

не говорю о научной организации труда. Поскольку мы под трудармией понимали применение армий для трудовых задач, понимали это, как историческую неизбежность, мы с самого начала отдавали себе отчет, что применение воинских частей совместно со всем их армейским аппаратом для трудовых задач есть несомненно непроизводительное расходование человеческих сил.

Сейчас процент дезертиров и в первой армии труда, и в петроградской армии труда нисколько не выше, чем в наших боевых армиях. Следовательно, и этот повод оказался неверным.

Но нет сомнения в том, что производительность труда сейчас, сегодня, в наших трудовых армиях еще достаточно низка, особенно в первый период их применения. Это—очень важный факт, что в первый период она была гораздо ниже, чем теперь. Когда мы читали сводку первых недель и дней применения бывшей 3-й армии на фронте труда, то мы усматривали, что для того, чтобы заготовить куб дров, нужно было применять 13—15, а иной раз 20—30 красноармейцев. Цифра совершенно чудовищная; 3—4 человека, насколько я знаю, считались до войны нормой. Говорят, что зырянин один вырабатывал куб дров, а тут 30 человек. Но по проверке оказывалось, что в первый период войска часто были расположены от своих трудовых участков на расстоянии 8—10 и более верст, и что на переход расходовалась значительная часть рабочего дня. Оказалось, что значительная часть красноармейцев не знала, как валить дерево, как разрубить его и т. д.; не было инструкторов, хозяйственный

орган оказался неприспособленным; не было инструментов. Этих причин достаточно, чтобы об'яснить низкую производительность труда.

Но возьмите последнюю сводку первой трудовой армии. Из нее вытекает, что сейчас уже на куб. сажень дров приходится 5½ рабочих. Рядом с ними работает мобилизованный по трудовой повинности элемент, т.-е. крестьяне. Там на кубическую сажень приходится 7 рабочих. Стало быть, производительность труда красноармейцев сейчас уже выше, чем мобилизованного гражданского населения.

При первой возможности мы будем расформировывать армейские аппараты, выделяя ячейки, которые необходимы, как аппарат трудового управления, как подсобный аппарат округа или областного центра.

Сейчас у нас действует ряд трудовых армий в разных районах. Особенно запасная армия, которая действует на казанбургской ж. д., дала значительное повышение провозоспособности этой дороги. Везде, где был проделан сколько-нибудь крупный опыт применения частей, он показал, что этот путь правильный.

О БЮРОКРАТИЗМЕ И ВОЛОКИТЕ.

В области применения 1 трудармии на Урале я убедился, что вопрос с волокитой и бюрократизмом в области нашего хозяйства не сводится вовсе к борьбе с отдельными бюрократами, с бюрократическими навыками каких-либо спецов.

Такое представление довольно широко распространено в нашей партии. Каждый очень охотно готов подмахнуть резолюцию о борьбе с волокитой и бюрократизмом. И эта борьба приняла довольно бюрократический и волокитский характер. На самом же деле вся беда заключается в том, что бюрократизм и волокита заложены в самой структуре наших учреждений. Точно так же, как в области организации труда мы находимся в переходной стадии и применяем методы, которые должны вести рабочего от навыков, приемов, системы свободного рынка к применению его силы по плану, так и в области организации и управления производством конструкция наших хозяйственных органов носит на себе все черты переходного периода. Наша промышленность сгруппирована в 50 главках и центрах, которые об'единены в 8—9 отделах. Эти главки или центры выросли из синдикатов, трестов буржуазно-капиталистической промышленности. Они были нами расширены, дополнены, но в основу были заложены те же организационные формы, которые имелись при капитализме в наиболее передовых отраслях промышленности.

В первый период существования советского хозяйства наши главки и центры имели в значительной степени синдикалистский характер. Они распределяли продукты не те, которые производились, ибо в первый период не производилось почти ничего, а то, что осталось от прошлого. Чем дальше, тем больше они принимали или стремились принять характер трестов и организовывали, нормировали, пытались подчинить себе это производство. Эти 50 главков, сейчас охватывающие все основные отрасли нашего хозяйства, на вершине своей

соединяются в трест трестов—в президиуме ВСНХ. Это об'единение главков наверху; внизу же нет никаких клапанов, соединяющих эти тресты друг с другом.

Такая организация нашего хозяйства по замыслу, если брать ее, как грубый черный набросок, правильное социалистическое хозяйство, плановое хозяйство; оно организуется по основным производствам, оно об'единяет его сверху донизу. Но оно предполагает, что центральный аппарат управления является идеальным аппаратом учета и распределения в соответствии с хозяйствен. планом. Это предполагает, что под руководством президиума ВСНХ имеется идеальная клавиатура, так что, ударив на известный клавиш, можно соответствующее количество угля, дров, рабочей силы перебросить туда, где это требуется по замыслу. Конечно, ни в одном ведомстве и прежде всего в ведомстве ВСНХ, наиболее сложном и громоздком, такой идеальной социалистической клавиатуры еще, к сожалению, нет. Что происходило при этом, котда в капиталистическом тресте местные предприятия часть продуктов получают непосредственно из рук главного управления по оптовой закупке, другую же часть покупают на местном рынке? Товары двигались, подчиненные калькуляции вольного рынка. У нас же этого нет. И это величайшее завоевание. Мы убили вольный рынок, эксплоатацию, конкуренцию, спекуляцию. Но в то же время нет еще и того единого хозяйственного плана, который заменял бы стихийную работу законов конкуренции. Отсюда вытекают затруднения ВСНХ. Он дает определенный хозяйственный план. Этот план продиктован централистическими взглядами на хозяй-

ственные задачи. Но план на самом деле осуществляется на месте в размере 10—5%. Сейчас каждый хозяйственный план является уравнением со многими неизвестными.

Это не осуждение СНХ, это—характеристика, почти фотография того, что есть на самом деле. Повторяю, каждый хозяйственный план—это уравнение со многими неизвестными. Оно нашло на Урале свое определенное выражение. Имеются дрова, имеется овес, пшеница, рабочие силы, заводы, оборудование, но все это раздергано по разным ведомствам.

Так, как это было до сих пор, продолжаться больше не может, особенно в районах, отдаленных от центра. Мы сделали на последнем с'езде советов первый шаг вперед, расширив самостоятельность местных учреждений. Этот шаг должен быть наполнен теперь определенным содержанием.

У нас существует система особоуполномоченных. И эта-то категория мне стала ясной после моего пребывания на Урале. Я полагаю, что эту систему нужно сдать немедленно в музей. Особоуполномоченных посылают решительно все ведомства, как только открывается новая не исследованная территория. Этот уполномоченный как только приезжает напр. в Архангельск, немедленно отрывается от центра, потому что проволока действует плохо; поэтому ему вслед посылается второй уполномоченный, который, также приезжая в Архангельск, довольно энергично начинает мешать работе первого.

Пока мы не сделаем немного более гибким и подвижным наш аппарат, не приспособим к тому, что

происходит на местах, мы решительно никакого успеха в борьбе с бюрократизмом иметь не можем.

Я уже сказал, что резолюции последнего с'езда советов открывают кое-какой просвет. Мы на них смотрим, как на первый шаг к согласованности социалистического хозяйства, как на переход от социалистических трестов к подлинному социализму.

ОБЛАСТНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ.

Вторым методом придания большей гибкости нашим главкам является **учреждение областных хозяйственных органов,** фактически создающихся на местах. Мы создали трудовые армии. Трудовые армии—это организации для применения воинских сил на месте по заказу хозяйственных органов. На деле же оказалось, что везде, где создаются трудовые армии, немедленно вокруг них кристаллизируется областной хозяйственный центр. В Екатеринбурге мы не заметили, как через небольшое количество дней мы превратились в областной центр. Но эта работа, можно сказать, нелегальная. Необходимо легализовать эту работу, т.-е. признать, что в отдаленных областях с ярко выраженной хозяйственной физиономией необходимы областные органы, не на основе восстановления областничества, а на основе представительства основных хозяйственных центров. Представитель ВСНХ должен быть тесно связан с представителем наркомпрода, наркомзема и т. д. Само собою разумеется, что как часть не может быть больше целого, так и хозяйственная агентура не может иметь прав больше, чем в центре. Агентура—это протянутый из центра орган

для того, чтобы лучше видеть, что делается на местах. Это безусловно необходимый шаг.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ.

Позвольте остановиться на вопросе об управлении промышленностью. Этого вопроса касался тов. Ленин, касались и другие товарищи, возражавшие ему. Я подойду к этому вопросу не с теоретической, а с эмпирической, практической стороны. Я говорю о вопросе о коллегиальности и единоличии.

Я должен отвести одно обвинение, которое делалось против единоличия. Некоторые товарищи говорят, что наши недавно рожденные военные спецы пытаются из военной области незрелый опыт перенести в хозяйственную область; но, может быть, в военной области этот опыт хорош, а в хозяйственной он никуда не годится. Это соображение неправильно во всех отношениях. Совершенно неверно, что в армии мы начали с единоличия и целиком перешли сейчас к нему. Неверно и то, что мы этот опыт извлекали из армии.

Мы говорили об этом на московской конференции два года тому назад, 8-го марта 1918 года, и представителями московского рабочего класса это было одобрено. Поэтому нельзя говорить сейчас, что это военные предрассудки зеленых военспецов, чистейшие пустяки. Необходимость привлечения специалистов, их использование было безусловно необходимо.

Если смотреть на этот вопрос под ограниченным взглядом школы, то я скажу, что при единоличии школа получается в 10 раз лучше, потому что вы не

замените одного хорошего работника тремя незрелыми, но поставив 3 незрелых на ответственный пост управления, вы лишаете их возможности отдать себе отчет в том, чего им не хватает.

Этот вопрос не принципиальный. Что это так, лучше всего доказывают профессионалисты, когда они не требуют коллегиальности для мастерских, рудников, цехов. Только сумасшедшие, говорят они, могут требовать, чтобы там управляла тройка или пятерка. Там должен быть один заведующий цехом. Почему? Если управление—школа, то почему же не нужна школа низшего типа? Ведь управление заводом есть уже вторая ступень. Почему никто не требует коллегиальности в цехах, мастерских? Потому что это слишком походило бы на абсурд. Это означало бы превращение в абсурд коллегиальности в области управления производством.

Но если коллегиальность не является священным заветом для мастерских, почему она должна быть таковым для завода?

Неправда, будто бы рабочий класс противится проведению единоначалия. Никогда не было, чтобы протестовали по поводу того, что на железных дорогах—одно лицо, комиссар, начальник; никогда не было, чтобы рабочие сказали: уберите этого начальника, комиссара или заведующего, хотя он и умный и толковый человек. Если рабочие недовольны, то они говорят: уберите, ибо это бездельник. Но это относится и к коллегии и к отдельным лицам. Рабочие, широкие массы глубоко заинтересованы в том, чтобы обучить их, но это достигается тем, что правление завода периодически отчитывается пе-

ред всем заводом, и все рабочие, которые проявляют интерес, извлекаются: их проводят на известный курс, с менее ответственных должностей они переводятся на более ответственные. А вопрос о тройке или одном человеке интересует не рабочие массы, а более отсталую, более слабую, менее пригодную часть рабочей бюрократии.

Рабочий передовой, сознательный, твердый, всегда стремится взять завод в свои руки целиком, показать, что он может управлять, а если он слабенький, если он шатается, ему хочется притулиться к другому, и вместе с другими незаметна будет его слабость. Если рабочий слаб, ему нужно итти в помощники; он подучится, назначьте завтра его заведующим, директором на маленький завод; если же окажется слабым, опять понизите. Он будет итти вперед. А в коллегии, где ответственность не ясна, чувство ответственности пропадается. Поэтому **наша резолюция говорит о систематическом приближении к единоначалию,** разумеется, не одним росчерком пера. Где рабочий может справиться, необходимо поставить его руководителем завода, дать ему помощником спеца, а где спец хорош, поставить его и дать ему помощника из рабочих. Это—единственно серьезное отношение к делу и только таким путем мы придем к правильному идеальному организованному производству.

ГЛАВПОЛИТПУТЬ.

Еще один принципиальный вопрос, который возбуждает толки и который должен быть разрешен на этом с'езде ясно и недвусмысленно, если вы хотите, чтобы в разрешении задач хозяйственного пла-

на первой очереди—улучшения положения транспорта—мы сделали серьезные шаги вперед. Я говорю о Главполитпути.

Товарищи, этот вопрос чрезвычайной остроты и огромной практической важности. Его нужно уметь поставить, чтобы дать разрешение, от которого зависит, сделаем ли мы шаг вперед в области транспорта или нет. Совершенно очевидно для каждого из нас, что не может быть и речи о замене Главполитпутем профсоюза, а тем более партийной организации. Если бы вы сказали, что все профсоюзы необходимо заменить политотделами, то это означало бы практически, что мы ставим крест на массовой организации рабочего класса.

Конечно, если бы союз железнодорожников стоял на уровне профсоюза металлистов, который далеко не является идеальным, но самым передовым, то нам не понадобился бы Главполитпуть. Но вы знаете, что этого нет. Рабочие массы на железных дорогах включают в себя еще очень большое количество элементов, которые остались от эпохи рухловщины. Профсоюз железнодорожников—один из самых слабых и отсталых. Скажет ли кто-нибудь, что мы можем поставить возрождение транспорта в зависимости от того, как пойдет улучшение профсоюза железнодорожников? Кто так скажет, тот этого дела не понимает. Профсоюз железнодорожников нужно переделать, придать сюда необходимых работников и покарать злостных итальянских саботажников. Для этого нужен ряд митингов, а для больших успехов года два. Ближайшие же недели являются самым острым, решающим моментом в жизни нашего транспорта. Здесь нужны ка-

кие-то исключительные меры, обгоняющие темп улучшения союза железнодорожников и поднятия его существования. Кто может принять эти меры? Организованный рабочий класс в лице своих более развитых элементов. Эти лучшие элементы применяют меры принуждения по отношению к отсталому отряду армии труда. Вот в чем главный вопрос. Так стоит вопрос с Главполитпутем по отношению к профсоюзу.

Как он стоит по отношению к партийным организациям? Те товарищи, которые думают, что в ближайший период, когда мы произведем исключительную по экстренности мобилизацию работников на ж. д., местные, партийные учреждения—губернские и уездные—могут, исходя из темпа своей местной работы, распределять работников, подчинить определенному режиму, связать их и обеспечить на ж. д. определенный рычаг воздействия, ошибаются. Нам нужен стальной рычаг по линиям. Местные организации с этим справиться не могут. С этим может справиться только центральная организация, и Главполитпуть есть не что иное, как орган Центр. Комитета для сосредоточения наиболее энергичных работников на дело транспорта, для их распределения и для поднятия через них на известную высоту всей остальной массы. Этот орган—единственный серьезный рычаг, чтобы поднять работу. В настоящее время нужно перекидывать работников из одного конца на другой, выкидывать их стальными щипцами с одного места на другое. Местные организации, которые заинтересованы в планомерности этой работы, не могут справиться с этим. Придется извлекать из местных и центральных организаций

серьезных общественных работников, их надо дать еще сотни.

Нужно иметь орган для прямого и непосредственного воздействия на них. Когда это дело придет в порядок и ж. д. начнут двигаться, тогда, само собой разумеется, войдет в колею и нормальная работа в области жел.-дорожного дела. Тогда и Главполитпуть будет расформирован, его учреждения и органы будут растворены, либо включены в профсоюзы и комиссариат путей сообщения, поскольку они имеют отношения к административному аппарату. Главполитпуть—временный орган, но орган исключительной важности.

ЗАДАЧИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И РОСС. КОМ. ПАРТИЯ.

Товарищи! Партийный авторитет Комм. Партии нужен во всех тех задачах, перед которыми мы сейчас стоим. Мобилизация широких рабочих масс, крестьян, проведение принудительного труда мы не можем осуществить, не вовлекая внутренне, не привлекая совести и сознания трудящихся к этому делу, не возбуждая профессиональной части на новых социалистических основах, чувства долга и т. д. Эта задача потребует большого напряжения энергии в течении большого количества времени, потребует агитации и пропаганды. Наша агитация будет чем дальше, тем больше изменяться наряду с вопросами, выдвигаемыми жизнью, все больше будет заниматься вопросами хозяйственными, вопросами естествознания и технологии.

Надо, чтобы каждый рабочий, крестьянин знали естественный физический мир, который нас окружает, и силы, которые не всегда благоприятны. Развитие наше идет в борьбе с этими силами, в подчинении их. Это необходимо в ближайшую эпоху, чем дальше, тем больше. Мы поставим книгопечатание выше, чем сейчас, необходимо будет развивать огромную пропаганду для того, чтобы очистить миросозерцание, мироздание от полусторонних сил, от Бога и ангелов.

Необходимо показать широким массам хозяйственный план, на основании которого мы позволяем нашему партийному и советскому аппарату, производить мобилизацию широких и трудящихся масс. Мы не можем дожидаться, пока каждый крестьянин и каждая крестьянка поймет, мы должны заставить сегодня каждого стать на то место, на котором он должен быть.

Здесь на ряду с нашей агитацией и пропагандой, которая имеет историческое значение, имеет огромное моральное значение единство воли в нашей партии. Если после этого с'езда перед лицом таких колоссальных задач мы выступим, шатаясь и спотыкаясь, продолжая препирательства, производить или нет принудительный труд, годится или нет принудительный труд, годится или нет принудительная мобилизация и применение воинских частей для труда, это означало бы крушение нашей хозяйственной системы в самом основном, ибо, если средний элемент крестьянства, отсталый элемен рабочего класса не все поймет и сознает отчетливо в нашей работе, то, что он сознает, это единство нашего сознания и воли.

На исторической сцене перед ним проходят разные государственные формы, разные силы и разные партии. Они увидели одну партию, которая ясно знает, чего она хочет, которая говорит то, что она хочет, в полную меру своего голоса и применяет железную волю для того, чтобы осуществить на деле то, что она хочет, осуществить те резолюции и те решения, которые мы теперь принимаем. Они должны быть проникнуты и пропитаны единством партийной воли. Если вы это единство партийного сознания и воли дадите, вы совершите величайшую задачу во всемирной истории.

Цена 7 р.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Ростовское Отделение Государственного издательства.
1920.